

ЛЮДИ
СПЕЦИАЛЬНОГО
НАЗНАЧЕНИЯ

АНДРЕЙ
ЗАГОРЦЕВ

ОТРЯД «ХОЛУАЙ»

ИЗ ЖИЗНИ
МОРЯКОВ-РАЗВЕДЧИКОВ
ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА
2020

Загорцев А.В.

- З 14** Отряд «Холуай». Из жизни моряков-разведчиков Тихоокеанского флота / А.В. Загорцев. — М.: Родина, 2020. — 384 с. — (Люди специального назначения).

ISBN 978-5-00222-459-3

«Подготовочка у них дай бог, в лесу выбрасывают на выживание с одним ножиком, они там то кору жрут, то на коз охотятся. На боевое дежурство на загранку мотаются, звери короче...» — так описал место будущей службы — 42 морской разведывательный пункт спецназа (неофициальное название — «отряд Холуай») бывалый сержант из «учебки», где автор этой книги проходил «курс молодого матроса».

Андрей Загорцев мечтал отслужить «срочную» в морской пехоте. Вместо этого он попал в спецназ Тихоокеанского флота и стал водолазом-разведчиком. В своей книге он честно и подробно рассказал о том пути, который проходит боец «отряда Холуай» с момента прибытия в самую секретную часть Тихоокеанского флота до того, как уйти на «дембель». И почему спустя пять лет он вернулся в отряд, но уже командиром группы.

**УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2)**

© Загорцев А. В., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

ISBN 978-5-00222-459-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	6
Глава 1	17
Глава 2	21
Глава 3	68
Глава 4	130
Глава 5	141
Глава 6	195
Глава 7	208
Глава 8	256
Глава 9	268
Глава 10	280
Глава 11	296
Глава 12	307
Глава 13	312
Глава 14	373
Эпилог	379

Пролог

На самом деле все оказалось не так, как хотелось бы. Совсем не так! В один день красавцами в черной форме и в черных беретах мы не стали. О принадлежности к флоту напоминала только пряжка с якорем черного «деревянного» ремня и черная тельняшка.

Вот и все флотские атрибуты. Даже вещмешки РЧ (рюкзак чмыря) как у простой пехоты. Не положено нам ни хрена — Курс Молодого Матроса у нас. Этим все сказано. Романтики абсолютно никакой и даже моря никакого. А с утра изматывающий бег в неподъёмных яловых сапогах. Я ведь неплохо раньше бегал и три километра, и сто метров. И не висел сосиской на турнике. А тут как в один день отрубило — ни бегать, ни прыгать, ни подтягиваться. Сам не пойму, что случилось. Старшина роты, старший сержант, «сверхсрочник», бежит где-то впереди с первым взводом, мы бежим в хвосте ротной колонны, сзади нас подгоняет наш взводник, тоже «сверчок», Хромов. Хромов — сержант, а должность «взводника» офицерская или прапорщицкая. Но у нашего сержанта опыт и авторитет в делах воспитания подрастающего поколения «морских пехотинцев».

Когда мы прекратим эти бега, никто толком и не знает, мчимся, как вялые лошади, отхаркиваясь и задыхаясь, выпучив глаза и еле подымая ноги в тяжёленных сапогах. Сачкануть бесполезно. «Сачка» понесет его взвод на плечах. Некоторые пытались. Не получилось. Вообще все не так, как представлялось. Не так, как видел в части у отца. Там здоровенные матросы в чёрных «пэшухах» на пока-

зухах ломали кирпичи, ловко стреляли с обеих рук. На марш-бросках неслись сложенным чёрным монолитом, на парашютных прыжках без страха шагали в открытый люк. Сколько раз я бывал на вождении, стрельбах, прыжках — уже и не упомнишь. А здесь всё по-другому. Коллектива как такового в нашей роте молодого пополнения еще не образовалось: мы здесь всего две недели. Так, знаем соседа по койке да по столу, да командира отделения из постоянного состава. А мы — переменный состав. С утра зарядка — где уж тут знакомится! — потом завтрак: тут главное успеть в себя закинуть каши побольше да выхлебать кружку чаю, на ходу дожёвывая хлеб с маслом. А потом понеслось. Занятия все на бегу. Огневая подготовка, уставы и те — в строю на плацу, тактика все больше ползком или бегом, и нескончаемая физическая подготовка. В субботу генеральная уборка. В воскресенье спортивный праздник, а потом можно поспать, раздеться полностью, залезть на шконку под одеяло и дремать до ужина. Но это если командир отделения позволит. Наш командир отделения позволял. Мы ему хлопот не доставляли. Слушаем его, открыв рот, мчимся, куда прикажут, делаем то, что скажут. На меня сержант Синельников обратил внимание, когда всем выдали хлопчатобумажное обмундирование и по два подворотничка и рассадили на баночках (табуретках) на центральной палубе (он же центральный проход, взлетка и т. д.). Хотя у нас все пехотно-мотострелковое, бытовые-обиходные названия все морские. Так же, как и мы, рядовые — матросы. Синельников объяснил нам, как надо подшиваться, разъяснил, что подшиваться и разглаживать кителя по нормальному «морпеховскому» мы будем уже у себя в части, когда туда попадём. В некоторых частях, к примеру, вообще не подшиваются. А сейчас будете подшиваться как самые натуральные «сапоги», и не е...т. Пока он рассказывал, я уже подшил и сидел клевал носом. Опыт подшивания подворотничков, подшив кителей и камуфляжей у меня был весьма впечатляющий. Отец

научил. Мы иногда с ним соревновались, кто быстрее дошьёт его китель. Лучший результат у меня был минута сорок секунд. Поэтому новенький хлопчатобумажный китечек я подшил минуты за две. Синельников, закончив рассказ-показ, начал ходить между рядов, увидев меня с качающейся головой и полуоткрытым ртом, он рывкнул:

— Матрос, встать, ты какого?.. — договорить не успел, я уже вскочил и бодро гавкнул:

— Тщц сержант, я уже подшился!

— Хватит п...ть. Я так быстро не подшиваюсь — китель к осмотру.

Осмотрев китель, он с удивлением хмыкнул и одним рывком отодрал подшиву.

— А ну-ка давай при мне еще раз подшейся.

При сержанте я подшился за минуту сорок секунд. Синельников ухмыльнулся:

— Волокешь, однако. Где научился?

— Друзья с армии пришли, показывали, товарищ сержант...

— Правильные друзья у тебя. Так, давай остальным помогай, показывай, бери на себя первые два ряда.

Вот, пожалуй, и все, чем я отличился. На удивление, в роте не было ничего похожего на дедовщину и другие страсти, которыми так любили пугать на гражданке. Не знаю почему, но этого не было. Сержанты пугали, что всё это нам предстоит на своей шкуре испытать в частях, в которые попадем, а пока мы в роте молодого пополнения в учебке. Кто-то из нас после курса пойдет сразу в части, кто-то останется в учебке, обучаться на сержантов, радистов и сапёров. Но это будет потом, а сейчас только изматывающий бег и занятия, занятия с перерывами по расписанию на сон и принятие пищи.

А вскоре на занятиях по инженерной подготовке, когда мы всем скопом изготовляли зажигательную трубку, я снова отличился. Отрезав огнепроводный шнур под углом, для удобства чуть вспорол его и, обломив спичку, за-

сунул её в надрез так, чтобы серная головка плотно лежала на срезе. Прапорщик инструктор, ходивший вдоль шеренги взвода и проверявший правильность изготовления трубки, остановился возле меня.

— Это что за самодеятельность, матрос?

— Товарищ прапорщик, но ведь так же тоже можно, пальцем ведь неудобно спичку прижимать.

— Можно, не спорю, а дальше что делать знаешь?

— Так точно.

— Давай показывай...

Я, взяв у прапорщика капсюль-детонатор, приладил его на другой конец шнура, попросил «обжимы» и соорудил трубку.

— Быстро у тебя, матрос, получилось, а как на время поставить,образишь? — ухмыльнулся инструктор.

— Так точно! Товарищ прапорщик, угостите сигаретой.

Хромов, стоявший рядом, услышав мою просьбу, встрепенулся и хотел было высказать своё командирское «фи», но прапорщик, махнув ему рукой, достал пачку «Родопи» и протянул сигарету.

— Дальше показывать?

— Нет, все понятно. Как твоя фамилия, матрос?..

Записав мою фамилию в блокнот, прапорщик отправил меня обратно в строй и продолжил занятия. Я, кроме одобрительного тычка от Синельникова, которому отдал честно заработанную сигарету, заслужил еще пару недоуменных взглядов от сослуживцев.

Кто-то даже прошипел типа «раз...лся». Наплевать, пусть шипит, я его запомнил. Парень откуда-то из Казахстана, вечно ему все хреново, все не так. Вчера ни за что ни про что толкнул на выходе из столовой моего соседа по койке, молчаливого и тихого паренька из Москвы. Синельников, увидев толчок, не задумываясь, отвесил пендаль инициатору. Тот порычал сквозь зубы так, чтобы никто не слышал, и начал теперь постоянно наступать в строю на пятки моему соседу.

Был у меня дружок у отца в части, матрос Конкин, здоровенный, чубатый и вечно веселый ростовчанин, который советовал: «В галюн ве́ди. А там в морду и с ноги по яйцам, а там по ногам ему “лоу” хреначь как можно сильнее. Одного, считай, снес, а остальные уже и бояться будут. А если и замесят толпой, то от страха уже. Так что, малой, не ссы, давай ноги тренировать». Ох, как он мне отбивал ноги! А как я об его твердые, как стальные чушки, бедра набивал подьёмы ног, страшно вспомнить. Так мне его наука и не пригодилась, хотя один и тот же удар я тренировал постоянно то на деревьях, то просто так, оттачивая скорость и углы атаки.

Вечером в галюне я всё-таки встретился с тем парнем из Казахстана. Фамилию я его так и не упомяну. Помню только, что он любил хвалиться, что он из «Сёмска» и они там братвой квартал на квартал бились. Не знаю, как они бились. Но мой сосед-«москвич» в тот момент, когда я заходил, уже выхлестнул своего столовского обидчика одним ударом. Причем самого удара никто и не заметил. Лишь только тело с закатившимися глазами, сползающее тихонько по стеночке. Вот тебе и тихоня. Народу в это время в галюне было предостаточно. Я помог «москвичу» Славику поднять отрубившегося матроса и привести того в чувство, побрызгав ему в лицо водой. Паренек, очнувшись, помахал головой и произнес только: «Ох, ни х.. я до...ся», потом встал и, пошатываясь, побрел в кубрик. Потом он себя вёл вполне нормально и больше никак себя в отношении ни меня, ни Славы не проявлял. Да и остальных матросов он больше не задевал. Но случай драки в туалете каким-то образом стал известен Хромову. Кто-то настучал. Нет, не парень из «Сёмска», этот не из той породы и даже если получил в морду, то воспринял это заслуженно, стучать такой не будет. Когда меня и моего соседа на утреннем построении вывели и начали иметь и в хвост и в гриву, «казахстанец» выглядел недоуменно, ведь многие могли подумать, что это он настучал. А он потом на